

**Международная помощь беженцам в послевоенной
Германии в оценках эмигрантов и перемещенных лиц
из России и Советского Союза***

Алексей Антошин

Юлия Запарий

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

**International Refugee Aid in Postwar Germany
as Evaluated by Emigrants and Displaced Persons
from Russia and the Soviet Union**

Alexey Antoshin

Julia Zapariy

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article is devoted to international assistance to refugees who stayed in German camps in the second half of the 1940s. The authors of the article focus on ego-documents coming from Soviet “displaced persons” and emigrants from Russia. The novelty of this study lies in the fact that the authors carry out a comparative analysis of the information found in these historical sources and the official documents of the UN structures involved in helping refugees, which has not been done previously. The authors refer to materials from the archives of the Hoover Institution for War, Revolution, and Peace (Stanford, USA), the Bakhmetev Archive of Russian and East European Culture of Columbia University (New York, USA), the Manuscript Department of the Library of

* *Citation:* Antoshin, A., Zapariy, Ju. (2022). International Refugee Aid in Postwar Germany as Evaluated by Emigrants and Displaced Persons from Russia and the Soviet Union. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 2. P. 469–484. DOI 10.15826/qr.2022.2.682.

Цитирование: Antoshin A., Zapariy Ju. International Refugee Aid in Postwar Germany as Evaluated by Emigrants and Displaced Persons from Russia and the Soviet Union // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 2. P. 469–484. DOI 10.15826/qr.2022.2.682 / Антошин А., Запарий Ю. Международная помощь беженцам в послевоенной Германии в оценках эмигрантов и перемещенных лиц из России и Советского Союза // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 2. С. 469–484. DOI 10.15826/qr.2022.2.682.

Congress (Washington), the Department of Manuscripts of the Russian State Library (Moscow, Russia), and the UN archive. Also, they rely on the conceptual developments of specialists in the field of ego-document analysis as a historical source. As a result, it is proved that many statements in the memoirs of Soviet “displaced persons” and emigrants are emotional in nature and not supported by information found in other sources. The analysis demonstrates that international organisations created to help refugees after the Second World War faced objective difficulties. The activities of these structures were peculiar in that they developed on the territory of Germany, which was divided into occupation zones. The authors identify the main parameters of the activities of international organisations to help refugees and show the sources and scale of funding provided for the camp system in Germany in the second half of the 1940s. Considerable attention is paid to the evolution of the system of international assistance to refugees associated with the transition from the UNRRA to the IRO. The authors prove that in the first postwar years, there was a search for ways to provide assistance to refugees and “displaced persons” and the development of international mechanisms in this area, which would be improved in the subsequent period.

Keywords: United Nations Relief and Rehabilitation Administration (UNRRA), International Refugee Organization (IRO), refugees, displaced persons, emigration from the USSR

Статья посвящена проблеме международной помощи беженцам, находившимся во второй половине 1940-х гг. в лагерях в Германии. В основе исследования – эго-документы, исходившие от советских перемещенных лиц и российских эмигрантов. Впервые проведен компаративный анализ информации, содержащейся в данных источниках, и материалов официальных документов структур ООН, которые занимались помощью беженцам. В работе использованы материалы из архива Гуверовского института войны, революции и мира (Стэнфорд, США), Бахметевского архива русской и восточноевропейской культуры Колумбийского университета (Нью-Йорк, США), Рукописного отдела Библиотеки Конгресса США (Вашингтон), Отдела рукописей РГБ (Москва, Россия), а также архива ООН. В результате исследования доказано, что многие заявления, которые содержатся в мемуарах советских перемещенных лиц и эмигрантов, носят эмоциональный характер и не подтверждаются информацией, содержащейся в других источниках. Как свидетельствует проведенный анализ, международные организации, созданные для помощи беженцам после Второй мировой войны, сталкивались в своей деятельности с объективными трудностями. Особую специфику активности данных структур придавало то, что она развивалась на территории Германии, которая была разделена на зоны оккупации. Выявлены основные параметры деятельности международных организаций помощи беженцам, показаны источники и масштабы финансирования системы лагерей, которые существовали в Германии во второй половине 1940-х гг. Значительное внимание уделено эволюции системы международной помощи, связанной с переходом от ЮНРРА к ИРО. Дока-

зано, что в первые послевоенные годы происходил поиск путей оказания помощи беженцам и перемещенным лицам, а также выработки международных механизмов в этой сфере, которые будут совершенствоваться в последующий период.

Ключевые слова: Администрация помощи и восстановления Объединенных Наций (ЮНРПА), Международная организация по делам беженцев (ИРО), беженцы, перемещенные лица, эмиграция из СССР

Вторая мировая война обострила вопрос о статусе и судьбе беженцев и перемещенных лиц. Международное регулирование вопроса беженцев стало частью послевоенного миропорядка и режима прав человека, предметом открытых и секретных договоренностей между странами-победительницами. Формировался сложный многоступенчатый механизм регулирования проблем, составными частями которых, помимо государств и ООН, выступали эмигрантские сообщества и организации. Они являлись и реципиентами помощи, и одними из участников процесса формирования международно-правового режима и политической борьбы.

Каково было отношение российского эмигрантского сообщества и перемещенных лиц (*displaced persons*, «ди-пи») из СССР к формировавшейся системе и деятельности международных организаций, помогавших беженцам и перемещенным лицам?

Ответы кроются в многочисленных эго-документах – письмах и мемуарах выходцев из России и Советского Союза, оказавшихся за пределами своей родины и попавших в лагеря для перемещенных лиц. Некоторые из этих исторических источников опубликованы, другие хранятся в различных архивах – Гуверовского института войны, революции и мира (Стэнфорд, США), Бахметьевском архиве русской и восточноевропейской культуры Колумбийского университета (Нью-Йорк, США), Рукописном отделе Библиотеки Конгресса США (Вашингтон), Отделе рукописей РГБ (Москва, Россия). Существенный массив документов, отражающих процесс становления системы оказания помощи беженцам и перемещенным лицам, содержится в архиве ООН (United Nations Archives and Records Management, UNA).

Безусловно, при оценке высказываний русских «ди-пи» необходимо учитывать специфику такого источника, как эго-документ, связанную с особенностями индивидуального восприятия исторической реальности, психологических и ценностных установок авторов. Стоит брать во внимание и политические взгляды тех, кому удалось оставить воспоминания о пребывании в лагерях: многие из этих людей являлись убежденными антикоммунистами.

Вопрос о деятельности международных организаций по формированию системы лагерей (наряду с проблемой идейно-политических установок находившихся там перемещенных лиц) находится в центре внимания многих исследователей [Cohen; Fitzpatrick; Gottfried; Hilton;

Holian; Marrus; Persian; Wyman]. Опорой на разнообразные исторические источники (в том числе на материалы зарубежных архивов) отличается исследование проживающей в Германии Е. Кулен, специально посвященное положению русских «ди-пи» в лагерях в Баварии [Кулен].

Вопрос об отношении находившихся в лагерях русских «ди-пи» к деятельности международных организаций помощи важен, поскольку позволяет приблизиться к пониманию проблемы эффективности тех структур, которые были созданы странами-союзниками по антигитлеровской коалиции, а затем и ООН в данной сфере.

Основные аспекты деятельности ЮНРРА в мемуарах беженцев

В 1943 г. союзники учредили Администрацию помощи и восстановления Объединенных Наций (ЮНРРА)¹. Задача организации заключалась в планировании и реализации мер помощи жертвам войны в любых районах, которые находились под контролем какой-то из стран Объединенных Наций, «через обеспечение едой, топливом, одеждой, жилищем и другими базовыми вещами» [United Nations Relief, p. 7]. Данная международная структура функционировала по всему миру, но на Европейском континенте были сосредоточены ее основные ресурсы и усилия². Одними из важнейших направлений деятельности ЮНРРА стали создание и администрирование лагерей для беженцев и перемещенных лиц. Основная масса ресурсов и средств выделялась ЮНРРА на помощь перемещенным лицам в Германии и Австрии³. К концу 1945 г. организация управляла 263 сборными центрами и несла ответственность за 3/5 всех перемещенных лиц в Германии [Nevins, p. 273]. В лагерях ЮНРРА перемещенные лица могли рассчитывать на получение регулярного питания, медицинской помощи, содействие в оформлении документов для возвращения на родину. Известный деятель НТС К. В. Болдырев вспоминал, что «поначалу люди шли в лагерь неохотно, но... крайне обострившийся после окончания грабежей вопрос питания» вынуждал их соглашаться на размещение в них [Болдырев, с. 113]. Люди в лагерях группировались в основном по национальному принципу.

Помещения для будущих лагерей выбирались самые разные. Лагерь Гангхоферзидлунг (в районе Регенсбурга), по воспоминаниям А. А. Аристовой, где находилась ее семья, ранее был поселком имени Геринга, построенным для рабочих завода «Мессершмитт». Новое название данному населенному пункту дала именно UNRRA, когда

¹ United Nations Relief and Rehabilitation Administration (UNRRA).

² Всего в Европе было расположено 32 региональных и 40 специальных управлений ЮНРРА, 9 сборных центров и 10 добровольческих агентств.

³ В 1945 г. расходы на операции помощи «ди-пи» в Австрии и Германии составляли 20,5 млн долл., на все остальные территории – 5,2 млн долл. [UNA. S-1193-0000-0001. P. 25].

было принято решение о создании в этом месте лагеря для перемещенных лиц. Проживавшие ранее там немцы были выселены из поселка, и вместо них поселились «ди-пи». «Поселок считался лучшим лагерем в Германии. Здесь были отдельные дома, а не бараки, и у людей было больше чувства собственности. Они сами себе готовили пищу и имели свои участки земли» [Аристова, с. 55]. Каждая семья жила в отдельной комнате, а кухня в доме была общая.

В целом у А. А. Аристовой остались неплохие впечатления от условий жизни в лагере и от работы чиновников UNRRA, которая «кормила» проживавших в Гангхоферзидлунге «ди-пи». Правда, она отмечает: «Выдавали пайки американских солдат... Счастье было, когда пайки были целые, но чаще всего они были уже вскрыты, и из них были вытащены шоколад и сигареты». А. А. Аристова вспоминает, что в американских пайках были мясные консервы и масло. Кроме них, «ди-пи» иногда получали и британские пайки, где было много леденцов [Там же, с. 58].

Лагеря, где находился бывший военнопленный Красной армии Л. Артемьев, зачастую представляли собой бывшие немецкие казармы [Артемьев, с. 110]. Как и многие находившиеся в лагерях люди, Л. Артемьев крайне слабо представлял себе правовой статус UNRRA и ее связь с ООН, поэтому в своих воспоминаниях он именуется «благотворительной организацией» [Там же, с. 111]. По словам Л. Артемьева, UNRRA предоставляла значительную автономию обитателям лагерей, оставляя за собой лишь покровительство над ними [Там же].

Особенно широкую известность приобрел лагерь Менхегоф. Его история многократно освещалась в различных мемуарах, оставленных бывшими «ди-пи» и русскими эмигрантами [Байдалаков; Болдырев; Болдырева-Семлер; Рар; Романов и др.]. Как показано в исторических источниках, фактически само создание этого лагеря было результатом деятельности членов эмигрантской организации «Национально-трудовой союз» (НТС): убежденные антикоммунисты, они стремились избежать выдачи в СССР. К лету 1945 г. большая группа членов НТС (около 500 чел.) находилась в лагере Нидерзаксверфен в Тюрингии. В июне 1945 г. стало известно, что эта территория должна отойти в советскую зону оккупации [Пушкарев, с. 28]. Известный деятель НТС К. В. Болдырев вывез этих людей в район Касселя, находившегося в американской зоне оккупации. По словам его дочери Е. К. Болдыревой-Семлер, к солидаристам присоединились многие другие обитатели лагерей в Тюрингии, поэтому всего было вывезено около 4 тыс. чел. [Болдырева-Семлер, с. 69]. Однако, как полагает Г. А. Рар, эта цифра – 3,5–4 тыс. чел. – отражает все население менхегофских лагерей в период их расцвета [Рар, с. 194].

В 15 км от Касселя К. В. Болдырев и его товарищи нашли брошенный лагерь иностранных рабочих: «За 24 часа вымыли полы и окна, засыпали дорожки песком, натыкали деревьев, срубленных в соседнем лесу, привели в порядок уборные» [Байдалаков, с. 58]. Находив-

шаяся в Касселе американская комендатура лишь санкционировала открытие лагеря в Менхегофе. Е. Романов вспоминал:

Приехал генерал, посмотрел: «Что ж, владейте этим лагерем». Они зафиксировали этот лагерь как «унрровский»... Позже получили мы и «унрровскую» администрацию – приехали и поселились рядом французы, конфисковали помещение в ближайшей деревне [Романов, с. 93].

Постепенно созданная при содействии ЮНРРА «империя НТС» разрослась: кроме основного, возникли еще два лагеря недалеко от Менхегофа – в Ротвестене и Фюрстенвальде. «Так у нас возникло свое маленькое государство», – отмечал Е. Романов [Там же, с. 95]. Руководителем всех менхегофских лагерей стал К. В. Болдырев, который смог установить хорошие отношения с представителями американской комендатуры. Именно взаимодействие с представителями армии США было для руководителей лагеря в Менхегофе наиболее важным. Как вспоминает, например, Г. А. Рар, американцы снабдили жителей лагеря одеждой: «ди-пи» получили «с какого-то трофейного немецкого склада невероятное количество мужских рубашек коричневого (партийного) цвета» [Рар, с. 191].

В мемуарах деятелей НТС показано, что ЮНРРА предоставляла весьма широкое самоуправление проживавшим в лагере «ди-пи»: они сами занимались благоустройством территории, строительством церкви, открытием гимназии и сети профессиональных курсов, организацией системы медицинского обслуживания, созданием культурно-просветительских учреждений (театра, симфонического оркестра, издательства). Фактически, по словам Е. Романова, связь руководства лагеря с ЮНРРА состояла в том, что международная организация поставляла лагерю продукты, сигареты и т. д. [Романов, с. 93].

Сами деятели НТС неоднократно подчеркивали специфику лагерей в районе Менхегофа. Л. А. Рар и В. А. Оболенский заявляли:

В то время, когда почти все перемещенные лица предавались «отдыху» после немецкого плена, когда американцы заваливали их едой, не требуя никакой работы, эти лагеря стали трудовыми, т. е. обслуживали себя и работали вовне: в большом госпитале в самом Касселе, на американском аэродроме, организовали большую авторемонтную мастерскую и т. д. [Рар, Оболенский, с. 166].

Действительно, руководство лагеря в Менхегофе договорилось о том, чтобы находившиеся здесь «ди-пи» могли зарабатывать себе на жизнь. «Правда, платили не американцы, а немцы в счет репараций, – замечал Е. Романов. – И это, я думаю, в то время был единственный такой феномен – рабочий лагерь “ди-пи”» [Романов, с. 94].

ЮНРРА работала в сложных условиях по всему миру. Во внутренних документах организации можно найти свидетельства о труд-

ностях во взаимодействии с русскими перемещенными лицами. Так, в докладе команды по регистрации «ди-пи» в Гейдельбергском лагере сообщалось о языковых трудностях, нехватке переводчиков и врачей, которые могли бы на русском языке проводить медицинское освидетельствование [UNA. s-1940-0001-0014-00001. P. 19]. Автор документа сетовал на «чрезвычайно затянувшийся процесс регистрации», а также отмечал «плохую информированность и даже подозрительное отношение» «ди-пи» к необходимости заполнения регистрационных карт. Подобная реакция отчасти объяснялась страхом перед возможностью перемещения беженцев в советскую зону.

Вопрос о репатриации беженцев и перемещенных лиц являлся для ЮНРРА одним из сложнейших. СССР постоянно обвинял организацию в том, что она препятствовала возвращению «ди-пи» и создавала сложности для советских репатриационных комиссий. В феврале 1946 г. советские представители затребовали поименные списки всех лиц, зарегистрированных ЮНРРА в американской зоне контроля. СССР оказывал серьезное политическое давление на руководство ЮНРРА и по линии Союзного контрольного комитета, и в рамках обсуждения вопроса на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН. Несмотря на критику и обвинения в укрывательстве коллаборационистов и «квислингов», организация придерживалась принципа, что любое перемещенное лицо, не имеющее политического конфликта со своим государством, должно стремиться к возвращению на родину [The Story of U. N. R. R. A., p. 16]. Уже упоминавшийся Л. Артемьев отмечал, что, «выполняя требования СССР, УНРА вынуждена была проводить проверки-скрининг для выявления подсоветских граждан» [Артемьев, с. 111]. Не избежал этой участи и лагерь в Менхегофе. Эффективность деятельности советских комиссий в значительной степени зависела от линии поведения связанных с лагерной администрацией американских и британских офицеров. Последние должны были оказывать содействие представителям СССР, но нередко были приверженцами антикоммунистических взглядов и поэтому всячески препятствовали выдаче тех «ди-пи», которые не желали возвращаться в Советский Союз. Для находившихся в лагере в Менхегофе членов НТС таковым стал американец капитан Стюарт, который не только заранее предупредил руководство лагеря о приезде советской комиссии, но и всегда присутствовал при беседах ее членов с перемещенными лицами, мешая задавать последним «неудобные» вопросы. Он же добился того, что срок пребывания комиссии в Менхегофском лагере оказался очень недолгим [Романов, с. 95–96].

История данного лагеря все же закончилась конфликтом его руководства с представителями ЮНРРА. «Дело в том, что французы воровали, – вспоминал Е. Романов. – Они раз в неделю уезжали на джипе в Париж и нагружали полный джип кофе и сигарет, которые они должны были раздавать в лагере». У самого Е. Романова такое поведение представителей UNRRA не вызывало особого отторжения,

он считал это меньшим злом: «Они, в общем-то, неплохие были... Ну пусть бы себе и дальше воровали... Жить с ними было можно» [Романов, с. 98]. Но руководитель менхегофских лагерей К. В. Болдырев начал протестовать против такого поведения чиновников международной организации, и тогда американцы провели «чистку» лагерей, выселив из них осенью 1946 г. большую группу лидеров НТС. Последние были расселены по городам Германии как беженцы. «Минус заключался в том, что мы снимались с «унрровского» содержания и попадали на немецкие голодные карточки», – указывал Е. Романов [Там же, с. 99]. Как заявляли деятели НТС, позднее выяснилось: последний начальник лагерей являлся членом Компартии США [Рар, Оболенский, с. 166].

Весьма сложным является вопрос об отношении чиновников ЮНРРА к политической деятельности в лагерях. Среди лидеров «ди-пи» было немало убежденных антикоммунистов, в прошлом сотрудничавших с немцами. Часть деятелей «старой» эмиграции предпочитали не обращать на это внимание, однако были и те, кто воспринимали такие факты резко негативно. Таким был, например, Д. И. Чижевский – выдающийся философ, славист, гуманитарий-энциклопедист. Один из основателей (вместе с Р. О. Якобсоном и Н. С. Трубецким) Пражского лингвистического кружка, он пережил эпоху Третьего рейха в качестве «внепланового лектора» русского языка в университетах Галле и Йены, живя под постоянной угрозой заключения в концлагерь. Летом 1945 г., накануне занятия Галле Советской армией, Д. И. Чижевский покинул город, перебравшись в западногерманский Марбург.

Однако не пожелавший жить в советской зоне оккупации Германии Д. И. Чижевский всегда сохранял внутреннюю свободу и критичность мышления. Не случайно во время его работы в Марбурге во второй половине 1940-х гг. за ним бдительно следили американские спецслужбы, а министр культуры земли Гессен считал его «коммунистом» [см.: Чижевский, с. 8]. В отличие от большинства лидеров старой эмиграции, он весьма критически высказался о «ди-пи», назвав их в личном письме «сотрудниками Гитлера, которые... сейчас отсиживаются в лагерях УНРРА» [Д. И. Чижевский – Б. И. Николаевскому]. По мнению Д. И. Чижевского, ЮНРРА помогала тем, кто сотрудничал с нацистами, избежать заслуженного наказания.

Данная международная организация давала возможность обитателям лагерей «ди-пи» выпускать разнообразную литературу, среди которой было немало антисоветских изданий. Как вспоминал старый член НТС Р. В. Полчанинов, до конца октября 1946 г. вся литература, выходившая в лагерях, печаталась с грифом *Approved by UNRRA Team*. С ноября 1946 г., отмечал он, «американцы потребовали прекратить всю иностранную книгоиздательскую деятельность», а с мая 1947 г. начали давать разрешения печатать не только книги, выходившие в лагерях, но и те, что выпускали издатели, проживавшие на частных квартирах

[Полчанинов, с. 399]. Так, после войны возобновил свою деятельность известный еще до революции 1917 г. ростовский книгоиздатель Н. Е. Парамонов, который жил на частной квартире в Байройте, но получил разрешение на выпуск литературы от ЮНРРА, поскольку в этой организации крупный пост занимал его сын [Там же, с. 388]. Впрочем, отдельные издатели выпускали книги и без разрешения со стороны ЮНРРА.

Люди с разнообразными культурными потребностями (а таких среди «ди-пи» было не так уж мало) с жадностью набрасывались почти на любую русскоязычную литературу. Так, оказавшийся в лагере в районе Анконы (Италия) эмигрант, бывший офицер уланского Одесского полка В. А. Черненко писал в 1947 г. в личном письме: «Одним из главных лишений в нашей теперешней жизни нужно считать отсутствие книги или даже газеты» [В. А. Черненко – Б. Л. Бразолу]. Поэтому, как вспоминал Р. В. Полчанинов, литература в лагерях пользовалась спросом: «У обитателей Ди-Пи лагерей, у которых была потребность к чтению, оказалось много свободного времени, так как Ди-Пи не должны были работать и были на полном иждивении УНРРА». Издававшийся НТС в Менхегофе знаменитый впоследствии «Посев» имел «прекрасно налаженную сеть своих представительств» в отдельных лагерях «ди-пи» [Полчанинов, с. 385], чему контролирующая их ЮНРРА не препятствовала.

При участии ЮНРРА значительная часть перемещенных лиц (более 5 млн чел.) в Германии была репатриирована в первые полгода после окончания войны в Европе, затем темпы возвращения на родину значительно сократились. В июне 1947 г., когда ЮНРРА передавала дела подготовительной комиссии Международной организации беженцев, в лагерях Германии оставалось более 0,5 млн чел.

Деятельность ИРО в восприятии русских «ди-пи»

Масштабы проблемы возвращения и реабилитации беженцев и перемещенных лиц были велики и требовали последовательной и хорошо организованной работы. Деятельность ЮНРРА носила в целом чрезвычайный характер и не могла обеспечить, по мнению многих политиков и активистов, систематической работы в этом направлении. В феврале 1946 г. по предложению Великобритании Генеральная Ассамблея ООН инициировала создание специального агентства. На сессии Генассамблеи 15 декабря 1946 г. делегаты приняли устав Международной организации по делам беженцев (ИРО) [Документ ООН A/RES/62(I)]. В ее основные функции входили репатриация, регистрация и классификация беженцев и перемещенных лиц, попечение о них, оказание им помощи, в том числе политической и правовой, перевозка и окончательное возвращение к обычным условиям и переселение в страны, могущие и готовые их принять (ст. 2 Устава ИРО [Там же]). Именно ИРО должна была решить весь комплекс международно-правовых, организационных и политических вопросов, связанных с репатриацией беженцев.

Различие между ЮНРРА и ИРО признавали сами «ди-пи» сотрудники. Уже упоминавшийся деятель НТС Е. Романов отмечал, что ИРО была «как бы юридической инстанцией, которая ведала перемещенными лицами», а ЮНРРА «занималась конкретной помощью: поить, кормить и т. д.» [Романов, с. 93]. Один из центров ИРО располагался в Киссингене (район Касселя), его сотрудниками стали многие русские «ди-пи» со знанием иностранных языков [Рар, с. 194].

Безусловно, к 1947–1948 гг., когда разворачивалась деятельность ИРО, психологическое состояние многих перемещенных лиц было весьма тяжелым. Многие из них сменили нацистские концлагеря на созданные под эгидой ЮНРРА, а затем и ИРО, и в течение нескольких лет не имели четкого представления относительно своего будущего. Настроения многих выразил З. Макаренко, писавший в 1947 г. известному поэту Д. Д. Бурлюку:

Есть развязные разговоры о том, что скоро будут беженцев отправлять, ну и пусть, поскорее, лишь бы не к лешему на рога... Знаете, Д. Д., как нам надоели эти скитания по лагерям с 1943 г.? [З. Макаренко – Д. Д. Бурлюку].

Именно это психологическое состояние перемещенных лиц являлось одной из основных причин их недовольства деятельностью ИРО, которое нередко проявлялось в их личной переписке. Например, поэт Ю. П. Трубецкой писал в 1950 г., что находится в больнице с вывихом коленного сустава, в то время как подошел срок его отъезда в США. Эта ситуация вызывала у него беспокойство: «ИРО ставит вопрос таким образом, что, если не можете ехать, когда назначено – лишаетесь права ехать вообще! Мое положение – белого раба». Это заставило его воскликнуть: «Зависеть от такой мерзкой организации и не принадлежать себе!» [Ю. П. Трубецкой – Г. В. Иванову]. Думается, чиновники ИРО далеко не всегда заслуживали за свою работу таких эпитетов. В соответствии с принятыми в организации стандартами паек подопечных в Германии в мае 1947 г. составлял 1 900 ккал в сутки, а к концу 1948 г. – 2 230 ккал [Holborn, p. 229–230]. В ряде случаев сотрудники организации подходили к вопросу снабжения «ди-пи» продуктами питания неформально. Г. А. Рар вспоминал, что жил в 1946 г. в Гамбурге на частной квартире, однако получал продукты от ИРО через один из лагерей, находившихся в этом районе [Рар, с. 201]. Он же остроумно заметил, что «покупательная способность перемещенных лиц в Германии увеличивалась за счет получаемых от ИРО папирос и настоящего бобового кофе» [Там же, с. 208].

Сами «ди-пи» отмечали: в условиях послевоенной Европы находившиеся под контролем ИРО лагеря были отнюдь не самым плохим местом для проживания. Организация не только обеспечивала питанием, выдавала одежду, но и спонсировала программы по обучению неграмотных и профессиональной переподготовке. Наряду с лагеря-

ми ИРО существовали и локальные лагеря для беженцев, в которых условия жизни были значительно хуже. О том, как осуществлялось перемещение людей из одних лагерей в другие, рассказывается в мемуарах И. Богута, бывшего младшего лейтенанта Красной армии, попавшего в плен к немцам. Он находился в лагере ИРО в американской зоне оккупации Германии, когда в 1947 г. руководство лагеря стало агитировать находившихся там людей переехать в Бельгию, где требовались рабочие на угольные шахты. Он вспоминал:

Но желающих среди ДиПи не находилось: никто из них не хотел оставаться в Европе, где уже назревал конфликт между Западом и СССР. Видя нежелание ДиПи ехать в Бельгию, американцы придумали «гениальный» выход. Они организовали просеивание мужского населения лагерей ДиПи. После просеивания без всяких объяснений 30 тыс. мужчин были переведены из лагерей ДиПи в немецкие беженские лагеря, в которых люди голодали, так как ИРО не оказывало им помощи. Попал и я в число этих несчастных ДиПи [Богут, с. 108].

Таким образом, продовольственное снабжение лагерей, которое осуществлялось ИРО, в действительности было весьма привлекательным фактором для «ди-пи».

Стремившиеся к консолидации русских «ди-пи» эмигрантские политические организации (например, НТС) постепенно стали концентрировать их в специальных лагерях. Занимавшийся этим Г. А. Рар так обосновал подобные действия:

Если наша задача до того времени заключалась в том, чтобы надежнее спрятать русских беженцев в польских или иных лагерях, то теперь, когда опасность насильственной репатриации минула, когда уже готовилось расселение перемещенных лиц по белу свету, надо было добиваться сосредоточения русских в русских же лагерях, чтобы предстоящее переселение русских беженцев не стало распылением их [Рар, с. 202].

Именно так по инициативе базировавшегося в Гамбурге Комитета бесподданных в британской зоне оккупации возникли три русских лагеря, «куда мог устроиться любой русский из других лагерей или “с воли”, если имел основания для признания его перемещенным лицом» [Там же]. Это были лагеря Функтурм, Фишбек и Колорадо, признанные ИРО. Уже упоминавшийся Л. Артемьев, находившийся в лагере Фишбек под Гамбургом, отмечал, что реальная власть там принадлежала деятелям Комитета бесподданных и членам НТС. Они смогли договориться с представителями ИРО и сформировали правление лагеря [Артемьев, с. 111]. Иными словами, как и ранее ЮНРРА, ИРО давала серьезную автономию находившимся в лагерях «ди-пи», не препятствовала деятельности среди них антикоммунистических организаций. Организация реализовывала свои программы с такими

структурами, как Толстовский фонд, Объединенный литовский фонд Америки, Объединенный украинско-американский комитет помощи. В американской зоне оккупации в состав сотрудников организации были включены деятели Центрального представительства российской эмиграции и ряда других организаций.

В конце 1940-х гг. население лагерей ИРО стало пополняться за счет «новейших» эмигрантов – перебежчиков, бывших солдат и офицеров советских воинских частей, расквартированных в Германии. Листовки НТС убеждали советских солдат и офицеров, что их последним шансом являлся побег на Запад, поскольку в противном случае многих впоследствии ждет арест советскими сотрудниками госбезопасности. В результате некоторые офицеры решали покинуть свои части, а затем довольно быстро сталкивались с серьезными проблемами, тем более, что международные организации постепенно стали ограничивать помощь беглецам из-за «железного занавеса». В эмигрантских и западных СМИ об этом почти не писалось, однако в личной переписке подобная информация появлялась. Лидер созданной «ди-пи» Демократической организации британской зоны оккупации Германии А. В. Яцевич отмечал в декабре 1949 г. в личном письме:

С 31 августа 1949 г. ИРО ни одного беглеца не принимают на свою опеку. Ходят люди как неприкаянные, ни угла, ни работы, ни куска хлеба. В британскую зону резко уменьшился приток беглецов. Тот, кто попадает, вынужден воровать, как-то выкручиваться. Положение хуже нельзя представить. По радио «Голос Америки» говорят одно, человек верит, а, попадая сюда, ругает и радио, и такое пренебрежение к человеку и его судьбе [А. В. Яцевич. – Лиге борьбы за народную свободу].

К началу 1950-х гг. система управления лагерями «ди-пи» в Германии начала меняться: они были выведены из юрисдикции международных организаций, предпринимались усилия по интеграции их населения в западногерманскую экономику. Как заметил эмигрант М. А. Миллер (который был критически настроен в отношении ЮНРРА и ИРО), это изменение положительно сказалось на ситуации в лагерях: «после хаоса, беспорядков и массовых злоупотреблений ИРО порядок немедленно наступил» [М. Миллер – Н. Вакару]. По словам М. А. Миллера, к началу 1950-х гг. в Северо-Западной Германии почти не оставалось лагерей, которые до сих пор находились под международным контролем. Всего за период с июля 1947 по декабрь 1951 г. ИРО зарегистрировала и оказала помощь 973 тыс. беженцев и перемещенных лиц в Германии, из них репатриировались на родину 46, 9 тыс. чел. [Holborn, p. 200]. Основная масса беженцев – более 73 % – благодаря помощи организации переселилась в новые места проживания, в основном в США, страны Западной Европы, Латинской Америки, Канаду и Австралию.

* * *

Воспоминания представителей русского эмигрантского сообщества и других «ди-пи» содержат ценные персонифицированные свидетельства, характеризующие международные усилия в сфере послевоенного восстановления Европы. Созданные для реализации масштабной помощи беженцам организации действовали зачастую неэффективно, когда речь шла о политических противоречиях. И ЮНРРА, и Международная организация беженцев концентрировались на технических вопросах предоставления помощи. Противоречия между СССР и США, зависимость от американского персонала и ресурсов стали «частью политической реальности» этих организаций [Reinisch, p. 156]. Признавая политические сложности взаимодействия с Советским Союзом по поводу судеб «ди-пи», ЮНРРА и ИРО стремились либо держать удар, либо лавировать. Наиболее последовательно международные организации отстаивали принцип свободы самоопределения, хотя самих «ди-пи» зачастую больше интересовали вопросы организации быта и обеспечения продовольствием.

Структуры ЮНРРА и ИРО создавались изначально как временные – для действий в условиях чрезвычайной ситуации. Совместные усилия международного сообщества смогли снять напряженность и обеспечить потребности значительного числа беженцев. В 1951 г. начало свою работу Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН). Принятая в июле 1951 г. Конвенция о статусе беженцев свела воедино основные элементы определений понятия «беженец» из ранее принятых документов, этот термин обрел юридически более взвешенный характер [Aleshkovski, Botcharova, Grebenyuk, p. 127]. Именно на этом фундаменте развивалась деятельность международных организаций помощи беженцам во второй половине XX в.

Список литературы

- Аристова А. А.* Беженский лагерь Гангхоферзидлунг // Судьбы поколения 1920–1930-х годов в эмиграции : очерки и воспоминания. М. : Рус. путь, 2006. С. 54–60.
- Артемов Л.* Мои горькие «университеты» // История русских в Австралии : в 4 т. Сидней : Австралиада : Рус. летопись, 2004. Т. 1. С. 109–111.
- Байдалаков В. М.* «Да возвеличится Россия. Да гибнут наши имена...» : Воспоминания председателя НТС. 1930–1960 гг. М. : Авуар Консалтинг, 2002. 124 с.
- Богут И.* Память сердца // История русских в Австралии : в 4 т. Сидней : Австралиада : Рус. летопись, 2004. Т. 1. С. 107–109.
- Болдырев К. В.* Менхегоф – лагерь перемещенных лиц (Западная Германия) // Вопр. истории. 1998. № 7. С. 110–141.
- Болдырева-Семлер Е. К.* Дань отцу – Константину Болдыреву // Судьбы поколения 1920–1930-х годов в эмиграции : очерки и воспоминания. М. : Рус. путь, 2006. С. 66–71.
- Документ ООН A/RES/62(I) // Constitution of the International Refugee Organization, and Agreement on Interim Measures to be Taken in Respect of Refugees and Displaced Persons / General Assembly Official Records. Resolutions Adopted by the General Assembly during Its Resumed 1st Session. Vol. 2. 23 October – 15 December 1946. L., Flushing Meadow, N. Y. : [S. n.], 1947. P. 84–98.

Кулен Е. Судьба русских «перемещенных лиц» в американской зоне оккупации в Баварии // Новый журнал. 2019. Кн. 295. С. 288–343.

З. Макаренко – Д. Д. Бурлюку. 1947 // ОР РГБ. Ф. 713. Карт. 1. Ед. хр. 19. Л. 1.

М. Миллер – Н. Вакару. 23.06.1950 // BAR. Nikolai P. Vakar coll. Box 3. Folder “Arranged correspondence of N. Vakar”.

Полчанинов Р. В. Русский книжный «бум» в Германии в 1945–1948 гг. // Нансеновские чтения 2009. СПб. : Рус. эмиграция, 2010. С. 383–401.

Пушкарёв Б. С. НТС в истории российского Сопротивления // От Зарубежья до Москвы : Народно-Трудовой Союз (НТС) в воспоминаниях и документах. 1924–2014. М. : Посев, 2014. С. 5–60.

Рар Г. А. «...И будет наше поколение давать истории отчет» : воспоминания. М. : Рус. путь, 2011. 728 с.

Рар Л. А., Оболенский В. А. Ранние годы : Очерк истории Национально-трудового союза (1924–1948). М. : Посев, 2003. 192 с.

Романов Е. В борьбе за Россию : Воспоминания руководителя НТС. М. : Голос, 1999. 320 с.

Ю. П. Трубецкой – Г. В. Иванову. 1950 // ОР РГБ. Ф. 372. Карт. 13. Ед. хр. 29. Л. 1.

В. А. Черненко – Б. Л. Бразолью. 06.08.1947 // Library of Congress. Manuscript Division (LoC. MD). The papers of Boris Brasol. Box 9. Folder “Non-English. 1947”.

Чижевский Д. И. Избранное : в 3 т. М. : Рус. путь, 2007. Т. 1. Материалы к биографии (1894–1977). 848 с.

Д. И. Чижевский – Б. И. Николаевскому. 12.05.1947 // НИА. Boris I. Nicolaevsky coll. Ser. 248. Box 476. Folder 24.

А. В. Яцевич – Лиге борьбы за народную свободу. Получено Лигой 17.12.1949 // BAR. Vladimir M. Zenzinov Papers. Box 38. Folder “Subject files: Liga borby za narodnuu svobodu (1951–1952). Correspondence. I–K”.

Aleshkovski I., Botcharova Z, Grebenyuk A. The Evolution of the International Protection of Refugees Between the World Wars // Social Evolution and History. 2021. Vol. 20, № 2. P. 109–132.

Cohen G. In War's Wake: Europe's Displaced Persons in the Postwar Order. N. Y. : Oxford Univ. Press, 2011. 237 p.

Fitzpatrick Sh. Mischka's War. A European Odyssey of the 1940s. [Melbourne] : Melbourne Univ. Publ., 2017. 313 p.

Gottfried T. Displaced Persons: The Liberation and Abuse of Holocaust Survivors. Brookfield, CT : Twenty-First Century Books, 2001. 127 p.

Hilton L. Prisoners of Peace: Rebuilding Community, Identity and Nationality in Displaced Persons Camps in Germany, 1945–1952 : PhD Diss. Ohio State Univ., 2001. 220 p.

Holborn L. The International Refugee Organization: A Specialized Agency of the United Nations: Its History and Work, 1946–1952, L. ; N. Y. : Oxford Univ. Press, 1956. 805 p.

Holian A. Between National Socialism and Soviet Communism: Displaced Persons in Postwar Germany. Ann Arbor : Univ. of Michigan Press, 2011. 367 p.

Marrus M. The Unwanted: European Refugees From the 1st World War Through the Cold War. [Temple] : Temple Univ. Press, 2002. 432 p.

Nevins A. Herbert H. Lehman and His Era. N. Y. : Scribner's Sons, 1963. 456 p.

Persian J. Beautiful Balts. From Displaced Persons to New Australians. Sydney : New South Publ., 2017. 250 p.

Reinisch J. Old Wine in New Bottles? UNRRA and the Mid-Century World of Refugees // Refugees in Europe, 1919–1959: A Forty Years' Crisis? / ed. by J. Reinisch, M. Frank. L. : Bloomsbury, 2017. P. 156–258.

The Story of U. N. R. R. A. Washington, DC : UNRRA, Office of Public Information, 1948. 48 p.

UNA. S-1940-0001-0014-00001. European Regional Office (ERO) – Registry Files, Confidential Memos, 1946.

UNA S-1940-0001-0019-00001. Action in the United Nations Organization on Displaced Persons and Refugees, 1946.

UNA. S-1193-0000-0002. Program of UNRRA Supplies – Presented by the Director-General to the Central Committee, 1946.

UNA. S-1193-0000-0001. Program of Operations – Presented by the Director-General to the Third Session of the Council, 1945.

United Nations Relief and Rehabilitation Administration. 50 facts about UNRRA. N. Y. : Division of Publ. Information, United Nations Relief and Rehabilitation Administration, 1946. 34 p.

Wyman M. DP: Europe's Displaced Persons, 1945–1951. Ithaca ; N. Y. : Cornell Univ. Press, 1998. 272 p.

References

A. V. Yatsevich. – Lige bor'by za narodnuyu svobodu [A. V. Yazevich to the League for the Struggle for People's Freedom]. (1949). In *BAR*. Vladimir M. Zenzinov Papers. Box 38. Folder "Subject files: Liga borby za narodnuiu svobodu (1951–1952). Correspondence. I–K". Received 17 December.

Aleshkovski, I., Botcharova, Z., Grebenyuk, A. (2021). The Evolution of the International Protection of Refugees Between the World Wars. In *Social Evolution and History*. Vol. 20. No. 2, pp. 109–132.

Aristova, A. A. (2006). Bezhenskii lager' Ganghofersiedlung [Ganghofersiedlung Refugee Camp]. In *Sud'by pokoleniya 1920–1930-kh gg. v emigratsii. Ocherki i vospominaniya*. Moscow, Russkii put', pp. 54–60.

Artemiev, L. (2004). Moi gor'kie "universitety" [My Bitter "Universities"]. In *Istoriya russkikh v Avstralii v 4 t.* Sydney, Avstraliada – Russkaya letopis'. Vol. 1, pp. 109–111.

Baidalakov, V. M. (2002). "Da vozvelichitsya Rossiya... Da gibnut nashi imena...". *Vospominaniya predsedatelya NTS. 1930–1960 gg.* ["May Russia Rise... Let Our Names Perish..."] Memoirs of the Chairman of the NTS]. Moscow, Avuar Consulting. 124 p.

Bogut, I. (2004). Pamyat' serdtsa [Memory of the Heart]. In *Istoriya russkikh v Avstralii v 4 t.* Sydney, Avstraliada – Russkaya letopis'. Vol. 1, pp. 107–109.

Boldyrev, K. V. (1998). Menhegof – lager' peremeshchennykh lits (Zapadnaya Germaniya) [Menhegof – Displaced Persons Camp, West Germany]. In *Voprosy istorii*. No. 7, pp. 110–141.

Boldyreva-Semler, E. K. (2006). Dan ottsu – Konstantinu Boldyrevu [Tribute to Father – Konstantin Boldyrev]. In *Sud'by pokoleniya 1920–1930-kh gg. v emigratsii. Ocherki i vospominaniya*. Moscow, Russkii put', pp. 66–71.

Chizhevsky, D. I. (2007). *Izbrannoe v 3 t.* [Selected Works. 3 Vols.]. Moscow, Russkii put. Vol. 1. Materialy k biografii (1894–1977). 848 p.

Cohen, G. (2011). *In War's Wake: Europe's Displaced Persons in the Postwar Order*. N. Y., Oxford Univ. Press. 237 p.

D. I. Chizhevskii – B. I. Nikolaevskomu [D. I. Chizhevsky to B. I. Nikolaevsky]. (1947). In *HIA*. Boris I. Nicolaevsky coll. Ser. 248. Box 476. Folder 24. 12 May.

Dokument OON A/RES/62(I) [UN Document A/RES/62(I)]. (1947). In *Constitution of the International Refugee Organization, and Agreement on Interim Measures to be Taken in Respect of Refugees and Displaced Persons / General Assembly Official Records. Resolutions Adopted by the General Assembly during Its Resumed 1st Session*. Vol. 2. 23 October – 15 December 1946. L. and Flushing Meadow, N. Y., S. n., pp. 84–98.

Fitzpatrick, Sh. (2017). *Mischka's War. A European Odyssey of the 1940s*. [Melbourne], Melbourne Univ. Publ. 313 p.

Gottfried, T. (2001). *Displaced Persons: The Liberation and Abuse of Holocaust Survivors*. Brookfield, CT, Twenty-First Century Books. 127 p.

Hilton, L. (2001). *Prisoners of Peace: Rebuilding Community, Identity and Nationality in Displaced Persons Camps in Germany, 1945–1952*. PhD Diss. Ohio State Univ. 220 p.

Holborn, L. (1956). *The International Refugee Organization: A Specialized Agency*

of the United Nations: Its History and Work, 1946–1952. L., N. Y., Oxford Univ. Press. 805 p.

Holian, A. (2011). *Between National Socialism and Soviet Communism: Displaced Persons in Postwar Germany*. Ann Arbor, Univ. of Michigan Press. 367 p.

Kulen, E. (2019). Sud'ba russkikh peremeshchennykh lits v amerikanskoj zone okkupatsii v Bavarii [The Fate of Russian Displaced Persons in the American Zone of Occupation in Bavaria]. In *Novyi zhurnal*. Book 295, pp. 288–343.

M. Miller – N. Vakar [M. Miller to N. Vakar]. (1950). In *BAR*. Nikolai P. Vakar coll. Box 3. Folder “Arranged correspondence of N. Vakar”. 23 June.

Marrus, M. (2002). *The Unwanted: European Refugees From the 1st World War Through the Cold War*. [Temple], Temple Univ. Press. 432 p.

Nevins, A. (1963). *Herbert H. Lehman and His Era*. N.Y., Scribner's Sons. 456 p.

Persian, J. (2017). *Beautiful Balts. From Displaced Persons to New Australians*. Sydney, New South Publ. 250 p.

Polchaninov, R. V. (2010). Russkii knizhnyi “bum” v Germanii v 1945–1948 gg. [The Russian Book Boom in Germany 1945–1948]. In *Nansenovskie chteniya 2009*. St Petersburg, Russkaya emigratsiya, pp. 383–401.

Pushkarev, B. S. (2014). NTS v istorii rossiiskogo Soprotivleniya [The NTS in the History of the Russian Resistance]. In *Ot Zarubezh'ya do Moskvy. Narodno-Trudovoi Soyuz (NTS) v vospominaniyakh i dokumentakh. 1924–2014*. Moscow, Posev, pp. 5–60.

Rahr, G. A. (2011). “...I budet nashe pokolen'e davat' istorii otchet” [“...And Our Generation Will Give an Account to History...”]. Moscow, Russkii put'. 728 p.

Rahr, L. A., Obolensky, V. A. (2003). *Rannie gody. Ocherk istorii Natsional'no-trudovogo soyuza (1924–1948)* [Early Years. Essay on the History of the National Labour Union (1924–1948)]. Moscow, Posev. 192 p.

Reinisch, J. (2017). Old Wine in New Bottles? UNRRA and the Mid-Century World of Refugees. In Reinisch, J., Frank, M. (Eds.). *Refugees in Europe, 1919–1959: A Forty Years' Crisis?* L., Bloomsbury, pp. 156–258.

Romanov, E. (1999). *V bor'be za Rossiyu. Vospominaniya rukovoditelya NTS* [In the Fight for Russia. Memoirs of the Head of the NTS]. Moscow, Golos. 320 p.

The Story of U.N.R.R.A. (1948). Washington, DC, UNRRA, Office of Public Information. 48 p.

UNA. (1945). S-1193-0000-0001. Program of Operations – Presented by the Director-General to the Third Session of the Council.

UNA. (1946). S-1193-0000-0002. Program of UNRRA Supplies – Presented by the Director-General to the Central Committee.

UNA. (1946). S-1940-0001-0014-00001. European Regional Office (ERO) – Registry Files, Confidential Memos.

UNA. (1946). S-1940-0001-0019-00001. Action in the United Nations Organization on Displaced Persons and Refugees.

United Nations Relief and Rehabilitation Administration. 50 Facts about UNRRA. (1946). N.Y., Division of Publ. Information, United Nations Relief and Rehabilitation Administration, 34 p.

V. A. Chernenko – B. L. Brazolyu [V. A. Chernenko to B. L. Brasol]. (1947). In *Library of Congress*. Manuscript Division (LoC. MD). The papers of Boris Brasol. Box 9. Folder “Non-English. 1947”. 6 August.

Wyman, M. (1998). *DP: Europe's Displaced Persons, 1945–1951*. Ithaca, N. Y., Cornell Univ. Press. 272 p.

Yu. P. Trubetskoi – G. V. Ivanovu [Yu. P. Trubetskoy to G. V. Ivanov]. (1950). In *OR RGB*. Stock 372. Box 13. No. 29. L. 1.

Z. Makarenko – D. D. Burlyuku [Z. Makarenko to D. D. Burliuk]. (1947). In *OR RGB*. Stock 713. Box 1. No. 19. L. 1.